3. *Малютин И. П.* Становление и развитие национальной школы в Республике Башкортостан: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Уфа, 2000. 24 с.
4. *Мубинова З. Ф., Измайлова Е. Н.* Развитие этнокультурного образования в условиях многонационального города: проблемы и задачи. Уфа, 2007. 95 с.
5. *Панькин А. Б.* Этнокультурный парадокс современного образования. Волгоград: Перемена, 2001. 446 с.

REFERENCES

1. Vsemirnoe nasledie Rossii. M.: OOO «Novaja elita», 2012. 203 s.
2. Vystuplenie Prezidenta Rossii V. V. Putina na vstreche s predstaviteljami narodov Respubliki Bashkortostan 10 ijunja 2001 goda v g. Ufe. http://www.bashklip.ru/news/vladimir_putin_pribyl_v_ufu/2010-02-08-419
3. *Maljutin I. P.* Stanovlenie i razvitie natsional'noj shkoly v Respublike Bashkortostan: Avtoref. dis. … kand. ped. nauk. Ufa, 2000. 24 s.
4. *Mubinova Z. F., Izmajlova E. N.* Razvitie etnokul'turnogo obrazovanija v uslovijah mnogonatsional'nogo goroda: problemy i zadachi. Ufa, 2007. 95 s.
5. *Pan'kin A. B.* Jetnokul'turnyj paradoks sovremennogo obrazovanija. Volgograd: Peremena, 2001. 446 s.

В. И. Стрельченко

ПРОБЛЕМА ИДЕНТИФИКАЦИИ ИСТИННОСТНЫХ ЗНАЧЕНИЙ

Распространение принципа «плюрализма мнений» на область идентификации истинных значений, как оказалось, таит в себе опасность утраты эпистемологического смысла истины как абсолютной цели и ценности познания, ее подчинения диктату произвола субъективных индивидуальных или групповых интересов.

Ключевые слова: истина, онтология, эпистемология, релятивизм, классическая концепция истины, неклассическая концепция истины.

V. Strelchenko

THE PROBLEM OF IDENTIFYING TRUTH MEANINGS

The spread of the principle of «pluralism of opinions» in the area of the identification of truth meanings resulted in the possible loss of the epistemological meaning of the truth as an absolute goal and value of knowledge, its subordination to the dictate of arbitrary subjective individual or group interests.

Keywords: verity, onthology, epistemology, relativism, classical conception of verity, non-classical conception of verity.

К числу важнейших событий духовной жизни XX — начала XXI столетий принадлежит распад структур рефлексирующего мышления и, как следствие этого, — релятивизация ранее господствовавших представлений об истине. Распространение принципа «плюрализма мнений» на область оценки условий идентификации достоверного знания обусловило формирование убеждений об ограниченности, эпистемологической нейтральности и даже несовместимости классической концепции

истины с решением высших телеологических задач научного творчества, о множественности истины, включающей едва ли не целое «семейство» постнеклассических форм (лингвистическая, прагматистская, экзистенциально-герменевтическая). И если возникновение классической концепции едва ли не совпадает с началом становления европейской науки и философии, то неклассические являются продуктом усилий научного и философского сообщества, направленных на преодоление кризиса естествознания (возникновение релятивистской физики и квантовой механики. — *В. С.*) и оснований логико-математических дисциплин грани XIX–XX веков.

Идея классической концепции истины в явном виде формулируется и обсуждается уже Платоном и Аристотелем. В редакции Платона смысл классической концепции истины определяется следующим образом: «…тот, кто говорит о вещах в соответствии с тем, каковы они есть, говорит истину, тот же, кто говорит о них иначе, — лжет...»[11, с. 417]. Почти два тысячелетия спустя такое понимание сути дела поддерживается и развивается одним из основоположников новой науки и философии — Р. Декартом. В отличие от Платона, он принимает во внимание не только собственно созерцательные, но и антропологически значимые, деятельностные аспекты истины, утверждая вместе с тем, что «…истина заключается в бытии, а ложь — единственно лишь в небытии»[1, с. 174]. Рационально осмысленные и эмпирически многократно подтвержденные верования, что «сознание мыслит бытие», то есть внеположенные ему предметы природы и явления человеческой жизни, служили едва ли не общепринятым гарантом объективности и истинности научных знаний вплоть до 30–40-х годов XX века.

Несмотря на трудности согласования с новейшими достижениями математического естествознания (квантовая механика, теория относительности и др.), когнитивных и социогуманитарных наук, классическая концепция истины остается важнейшей формой рациональной осмысленности как предпосылок, средств, процедур и результатов, так и высших телеологических задач научного и философского познания.

Сложилась парадоксальная ситуация: поскольку классическая концепция истины не отвечает вызовам научного поиска сегодняшнего дня, то и само понятие истины расценивается как не имеющее сколько-нибудь существенного эпистемологического значения. В философии и методологии науки последних десятилетий понятие истины, ранее определявшее теоретическую и практическую ценность и цели научного познания, не только крайне редко используется, но и подвергается уничтожающей критике как признак мифологизации, как главное, подлежащее радикальной «деконструкции» препятствие на пути человеческого познания [15]. И дело здесь, прежде всего, в том, что объективная действительность, или вещи как они существуют сами по себе, нам непосредственно не даны, и в каждом конкретном случае речь идет о соответствии знаний опытно-экспериментально установленным фактам. Однако уже И. Кант убедительно показал, что опытные данные не могут служить достаточным основанием определения достоверности положений теории. Все многообразие явлений нашего опыта находится в зависимости от деятельности субъекта познания, является продуктом его собственной активности. Не структурой субстанции, а познавательной активностью субъекта определяются предмет и содержание научных знаний. Скажем, согласованным движением категорий рассудка и продуктивной способностью воображения конституируется антропологическая реальность и отвечающие ей педагогические теории и практики.

И человек, и техники его воспитания приобретают бытийно-онтологический статус только как продукты мысленного конструирования, а отнюдь не в силу независимых от познавательной деятельности естественно-природных или социально-исторических обстоятельств [5]. Философско-эпистемологический смысл данного утверждения осознается И. Кантом в форме так называемого «коперниканского переворота», ознаменовавшегося заменой онтологии субстанции онтологией субъекта.

Свойственное классической концепции абсолютное противопоставление истины и лжи оказалось несовместимым с практически общепринятыми идеями об исторической относительности, конкретности, социальной и антропологической обусловленности истины. И если в естествознании и математике идея относительности истины осознается лишь в первой трети XX века, то в широком общефилософском плане вывод о неправомерности абсолютного противостояния истины и лжи, достоверности и заблуждения, об исторической относительности истины систематически обосновывается уже Г. В. Ф. Гегелем. Ф. Энгельс считает само собой разумеющимся, что «…истина и заблуждение подобно всем логическим категориям движутся в полярных противоположностях, имеют абсолютное значение только в пределах чрезвычайно ограниченной области» [7, с. 92].

Действительно, исходя из классической концепции несоизмеримости истины и лжи, с возникновением неевклидовых геометрий, диалектической и символической логик, теории относительности и квантовой механики, гелиоцентрической модели мироздания, синтетической теории эволюции органической жизни и теории ее абиогенного происхождения должны быть признаны ложными и соответственно отброшены евклидова геометрия, традиционная формальная логика, классическая механика (И. Ньютона), геоцентрическая концепция, все многообразие идей «недарвиновской» эволюции («нейтральной», «квантовой» и др.) и космического зарождения жизни (концепция панспермии: Аррениус, Вернадский и др.). Нетрудно заметить, что из этого перечня ранее господствовавших представлений о пространстве (геометрия), движении (физика), мышлении (логика), устройстве мира (астрономия), эволюции и происхождении жизни на Земле (биология) только геоцентрическая концепция была отнесена к разряду исторических заблуждений и отброшена. Но классическая механика, например, сохранила научный статус, отказавшись от претензий на универсальность путем изменения границ применимости.

Симптоматичным с этой точки зрения является ошеломляющее сенсационностью заявление Д. Лайтхилла. Будучи президентом международного союза теоретической и прикладной механики, он от лица мирового научного сообщества механиков признал, что «…энтузиазм, испытываемый нашими предшественниками благодаря блестящим успехам ньютоновской механики, привел нас к обобщениям в области прогнозирования…, которые, как мы узнали позже, оказались ложными. Мы хотим все вместе принести наши извинения за то, что ввели в заблуждение образованную публику, ибо опирались на такие идеи по поводу детерминизма систем, удовлетворяющих ньютоновским законам движения, которые после 60-х гг. показали свою несостоятельность» [20, p. 35–36]. Сфера действия законов классической механики остается справедливой для процессов механического движения (а не всего многообразия форм движения) и в пределах относительно небольших скоростей, и таких макрообъектов, как «призмы», «планеты» и «маятники».

Возникшие противоречия между традиционными убеждениями о единстве (и единственности. — *В. С.*) истины, с одной стороны, и вновь выдвинутыми представлениями о ее множественности, с другой, знаменуют начало целой революции в методологии и философии науки. Критика классической концепции истины как единой, неделимой и одной для всех вплоть до сегодняшнего дня остается главной причиной укрепления позиций безбрежного релятивизма и широкого распространения антропологически агрессивной доктрины «плюрализма мнений» в философии, науке и общественной практике [18, с. 123–131]. Накопление свидетельств о множественности истины обусловило необходимость принципиально новой постановки самой проблемы достоверности научного знания. Если вплоть до рубежа XIX–XX веков основное внимание научного сообщества концентрировалось на задачах поиска условий и критериев истины (методологических, логических, эмпирических), то после революции в физике речь идет о поиске ответов на вопрос: что такое истина? Его уяснение осуществляется в контексте развития идей об историчности разума, конкретности истины (Г. В. Ф. Гегель, О. Конт, К. Маркс и др.), о диалектике абсолютной и относительной истины, об общественно-исторической практике как критерии истины (К. Маркс) и т. д. Не менее существенную роль в переосмыслении проблемы истины сыграли, во-первых, разработка системы средств логико-семантической аналитики языка науки (Г. Фреге, Б. Рассел, Л. Витгенштейн), во-вторых, концепции верификации (М. Шлик, Рейхенбах и др.) и фальсификации (К. Поппер) и, в-третьих, развитый постпозитивизмом подход к пониманию науки как социокультурного феномена (Т. Кун, И. Лакатош и др.).

Все это, в сочетании с успехами логико-семантических исследований, с результатами анализа парадоксов теории множеств и выявления структуры гипотетико-дедуктивной теории потребовало изучения проблемы природы истины («что такое истина». — *В. С.*) в непосредственной связи не со знанием вообще, а с его вполне конкретными элементами — с предложениями и теориями. Выдвижение, а затем и способы решения вытекающих отсюда задач осуществляются в контексте развития идей «эпистемологического поворота» (Д. Мур), приобретшего в дальнейшем логическую и лингвистическую формы (Г. Фреге, Б. Рассел, Л. Витгенштейн и др.). Обобщенным выражением тенденций онтологизации языка, уподобления его структуры структуре реальности является разработанная неопозитивизмом и аналитической философией лингвистическая концепция истины. Ее смысл сводится к убеждению, что заблуждения являются следствием неправильного использования языка. Поэтому перспектива идентификации истинностных значений усматривается на путях очищения языка науки от бессмысленных словесно-терминологических конструкций методами формального анализа его синтаксиса и семантики (М. Шлик, Р. Карнап, О. Нейрат и др.).

В логическом позитивизме (М. Шлик и др.) это требование было истолковано как необходимость подтверждения смысла отдельных предложений или теории чувственными опытно-экспериментальными данными. В силу же неосуществимости требований привлечения бесконечного числа эмпирических данных для полного подтверждения истинности соответствующих предложений выдвинутая логическим позитивизмом программа верификации, или опытно-экспериментальной проверки научной теории, оказалась в принципе не реализуемой.

Не оправдал надежды на преодоление кризиса классической концепции истины и выдвинутый К. Поппером проект фальсификационизма. В ходе критики идей вери-

фикации К. Поппер приходит к заключению, что если верификация теории невозможна вследствие неполноты эмпирических данных («фактов». — *В. С.*), то для ее опровержения, то есть установления ложности, достаточно одного-единственного факта. Вместо сомнительного критерия истины можно опереться на вполне надежный критерий ложности в форме противоречия между научной теорией и фактом. Однако остается неясной истинная причина конфликта между теорией и фактом. Противоречие между ними может возникать либо в силу ложности теории, либо из-за ложности факта [15, с. 51–52].

Опыт логического позитивизма и критического рационализма (К. Поппер) служит наглядной иллюстрацией доминирующих в настоящее время убеждений, что как подтверждаемость не может служить доводом в пользу истинности научной теории, так и опровержимость — в пользу ее ложности. Отрицание возможности идентификации истинных и ложных знаний сопровождается требованиями не только устранения самого понятия истины из философии и методологии науки второй половины XX — начала XXI столетий (Т. Кун, С. Тулмин, И. Лакатош и др.). В работах П. Фейерабенда, одного из лидеров постпозитивистской философии науки, истина объявляется порождением «рациофашизма», его чудовищным изобретением, препятствующим свободе научного творчества [15, с. 110].

Современный кризис классической концепции истины порожден трудностями уяснения сущности «научных революций» и затрагивает проблемы логико-методологического и эпистемологического характера. Предметы же и процессы самой действительности нейтральны по отношению к логико-методологическим кризисам и научным революциям. Реалии природы и человеческой жизни не нуждаются в эпистемологических или опытно-экспериментальных подтверждениях истинности своего существования. Продолжающиеся с начала XX века до настоящего времени дискуссии об условиях и критериях достоверного знания свидетельствуют, что решение возникающих при этом проблем возможно лишь на путях дальнейшей разработки и конкретизации классической концепции истины. Ее развитие в контексте идей диалектики абсолютной и относительной истины открывает реальную перспективу органичного синтеза представлений об историчности научного знания, с одной стороны, и об объективности его содержания, с другой.

Историчность, относительность научной истины не исключают наличия в ее составе элементов абсолютного содержания, инвариантного по отношению ко всем этапам истории научного познания. Оппозиция абсолютной и относительной истины характеризуется отношениями не только различия, но и тождества. Противоположность же истины и лжи имеет исключительно негативный характер радикальной непримиримости ее сторон. Понятие относительной истины не содержит ничего иррационального и мистического. Идеи диалектики абсолютной и относительной истины, несовместимости истины и лжи, заблуждения как осознания относительности истинного знания, достоверности как его обоснованности, бесспорности и т. д. не только совместимы с классической концепцией истины, но и определяют основные направления ее разработки (корреспондентная и когерентная теории истины).

В новоевропейской философии и философии XX — начала XXI века теория корреспонденции разрабатывается в виде комплекса проблем соответствия «идей» чувственным данным (эмпиризм), суждений — их предмету, утверждений — установленным фактам (Б. Рассел, Л. Витгинштейн, Дж. Мур), положений теории — «эмпирическому базису» (М. Шлик, К. Поппер), теории — объективной реальности на ос-

нове проверки общественно-исторической практикой (марксизм) и др.

При ближайшем рассмотрении все перечисленные версии теории корреспонденции не выдерживают критики. И, прежде всего, потому, что во всех случаях определение условий истины осуществляется в форме соотнесения положений теории с чувственными данными, а значит, в замкнутом пространстве самосознания, самого себя удостоверяющего, по существу, автореферентного субъекта. Даже в марксистской концепции общественно-исторической практики осваиваемая в ее формах реальность воспринимается субъектом не непосредственно, а опосредованно, в виде соответствующих знаково-символических репрезентаций, логико-грамматических конструкций или продуктов опытно-экспериментального моделирования. Вместе с тем освоение человеком мира (природы и общества) в формах предметно-практической деятельности далеко не тождественно процессам его идеального отражения мышлением. Антропологически адекватная и исторически перспективная социальная практика не может реализоваться и развиваться иначе, как в соответствии с естественно-историческими законами природы и культуры. Свойственные европейским техническим цивилизациям тенденции практического освоения природы и общественной жизни не в строгом соответствии, а вопреки естественно-историческим законам их организации и развития чреваты, как мы сейчас знаем, глобальными и региональными экологическими, антропологическими, социальными и другими кризисами и катастрофами [8].

Редукция проблемы истины к свойствам знаково-символических систем является причиной отказа многих влиятельных современных философских направлений от использования понятия истины при характеристике научного и философского знания (философия жизни, структурализм, постмодернизм, экзистенциализм и др.). По мнению Ж. Дерриды, Р. Рорти, П. Фейерабенда, оно является устаревшим, бессмысленным, идеологически нагруженным.

Наряду с концепцией корреспонденции большим влиянием в научном сообществе пользуется так называемая когерентная теория истины. Она основывается на признании свойства системности как выражения сущности знания. А поскольку система знания содержательнее, а значит, и «истиннее» суммы частей ее составляющих, то достоверность отдельных предложений или теорий устанавливается посредством соотнесения с системой как целым. Таким образом, границы применимости когерентной концепции не выходят за пределы изолированных самодостаточных систем знания, в каждой из которых экспликация смысловых значений терминов является одновременно и процедурой установления их истинности.

Идеи когеренции получают широкое распространение в XX веке и в начале XXI столетия. Они развиваются лидерами Марбургской школы неокантианства (Г. Коген), неопозитивизма (О. Нейрат) и др., придававшими свойству самосогласованности, или когерентности, референциальное значение вполне объективного («общезначимого». — *В. С.*) критерия истины. Влияние концепции когерентной истины существенно возрастает в настоящее время. Это объясняется, во-первых, убедительностью аргументации в пользу тезисов «Дюгема — Куайна»* и «Куна — Фейерабенда» и, во-вторых, общепризнанным высоким авторитетом выдвинувших их ученых.

В отличие от классической, прагматистская концепция истины в основных моментах своего содержания определяется в философии Ф. Ницше, специально разрабатывается и развивается эпистемологическими исследованиями американского

прагматизма (Ч. Пирс, У. Джемс, Д. Дьюи). В самом общем виде под истиной понимается суждение, отвечающее требованиям полезности и функциональности в процессах адаптации к условиям окружающей среды (естественно-природной или социальной). Истина создается в процессе практического действия, а не посредством подтверждения теории эмпирическими фактами (концепция корреспонденции) или ее гармоничного включения в систему более фундаментальных представлений (теория когеренции).

Согласно Ф. Ницше, все метафизические системы, включая науку, являются интеллектуальными фикциями, лишенными референциальной основы, концептуальными конструкциями, выражающими те или иные человеческие интересы. Отсюда вытекает и соответствующее определение истины как «… вида заблуждения, без которого определенный органический вид не мог бы жить. В конечном итоге решающей является ценность для жизни» [9, с. 517].

Идея жизненно-практической полезности знания как критерия его истинности составляет основу многообразия эпистемологических воззрений прагматизма — от отождествления истины с индивидуальной личностной полезностью и принципом выживания наиболее приспособленных до убеждений, что «истина есть полезность» и «функциональность», как они «…показали себя в работе», в повседневной жизни и в научном исследовании. Истина не представляет собой никакой отдельной, самостоятельно существующей сущности, выражающей всю полноту подлинной достоверности. Истина есть свойство развернутого во времени процесса практического действия. Она активно производится на всех этапах перехода от предпосылок действия к его результатам, обнаруживает одновременно и бытийно-онтологические, и собственно рационально-логические свойства.

Истина является выражением не теоретико-познавательного (идеальный образ — объект), а практического отношения человека к миру. Она означает только то, что мысли (составляющие сами лишь часть нашего опыта) становятся истинными лишь постольку, поскольку «они помогают приходить нам в удовлетворительное отношение к другим частям нашего опыта» [3, с. 141]. Поэтому под «соответствием» идеи-верования «действительности» понимается «…любой процесс, ведущий от данной идеи к некоторому событию в будущем, если только этот процесс протекает удачно» [3, с. 132].

Здесь следует особо подчеркнуть, что прагматистская версия истины выполняет не только роль «согласования идеи с действительностью», но и формообразующего принципа организации социальных сообществ. Однако они, в силу исходных установок радикального эмпиризма и последовательно проводимого принципа плюрализма, представляют собой объединения предельно атомизированных индивидов, для которых любые формы коллективной организации имеют право на существование лишь в качестве условий окружающей среды и инструмента достижения сугубо эгоистических интересов [2, с. 180–185].

Как в прошлом, в эпоху американской прагматистской классики (Ч. Пирс, У. Джеймс, Дж. Дьюи), так и сейчас, у истоков XXI столетия, прагматизм был и остается влиятельным, но чрезвычайно неоднородным интеллектуальным движением. На всех этапах исторической эволюции оно представлено множеством форм, количество которых едва ли не совпадает с числом участников прагматистского сообщества [19, с 88–89]. Сегодня «…прагматистами называют себя реалисты и антиреалисты,

аналитические и неаналитические философы, модернисты и постмодернисты» [4, с. 176].

Столетие спустя, после теоретического оформления оппозиций «номинализма» Джеймса и «реализма» Пирса, обсуждение проблемы истины продолжается в горизонте выдвинутых ими онтологических и теоретико-познавательных установок. С 80-х гг. прошлого столетия вопрос о природе истины предельно актуализируется в полемике Х. Патнэма (р. 1926 г.) и Р. Рорти. Первый — отстаивает позиции «реализма» Ч. Пирса, считая, что необходимым условием познания истины является установление соответствия знаний существующей независимо от нашего сознания объективной реальности. Второй — стремится обосновать «номиналистическую» стратегию Джеймса на путях релятивизации истины, доказательства ее конвенционального характера. По мнению Рорти, само понятие истины не имеет сколько-нибудь существенного познавательного значения и выполняет роль общепринятого эпистемологическим сообществом способа оценки практически полезных гипотез и идей. Поэтому «цели обоснования знания не имеют ничего общего с проблемой неких особых отношений между знаниями и их объектами, а сводятся исключительно к вопросам обсуждения, социальной практики» [22, p. 170]. Зависимость истинностных оценок от социальных норм, признание их изменчивости под влиянием развития диалога, а не прогресса знаний о внеположенных сознанию объектах, побуждает Рорти, во-первых, отнести понятие истины к разряду «пустых» значений, во-вторых, признать возможность множественности истины и, исходя из этого, в-третьих, резко противопоставить свою версию прагматизма «фундаментализму» европейской философской классики от Декарта и Локка до Гуссерля и неопозитивизма.

В противоположность этому Х. Патнэм стремится показать, что и процесс познания, и интерсубъективная коммуникация сами по себе, не истолкованные в терминах «объективной реальности», «достоверности» и «истинности», оказываются не осмысленными с точки зрения высших телеологических задач. Без «…предельного понятия "идеальной истины"» [21, p. 216] любой познавательный диалог не имеет ни цели, ни смысла, ни содержания. Согласно Патнэму, современная философия не может не учитывать исторический опыт метафизики: задача прагматизма заключается в реконструкции (а не в деконструкции) философии с тем, чтобы выявить и отделить в составе метафизического мышления истину от лжи.

Полемика Р. Рорти и Х. Патнэма об истине, реализме, метафизике и релятивизме не увенчалась, как это можно было ожидать, сколько-нибудь существенным продвижением в понимании условий достоверного знания. За исключением некоторых уточнений, проясненных благодаря использованию терминологических «изобретений» XX столетия, само понятие истины, так же как и направления его проблематизации в неопрагматизме (Рорти, Патнэм) и в версиях прагматистской «патристики» (Пирс, Джеймс) по существу совпадают едва ли до неразличимости.

Магия и пропагандистское «очарование» термина «прагматизм» в настоящее время столь велики, что позиционировать себя в качестве «политика-прагматика», «прагматика-экономиста», «управленца-прагматика», «прагматика-педагога» и др. стало важнейшим элементом стратегии внедрения в общественное сознание (как, впрочем, и в индивидуальное) убеждений не только в оправданности, но и в справедливости непреходящей антропологической и социальной ценности любого, даже само-

го фантастического и нелепого «бизнес-проекта».

Экзистенциально-герменевтическая концепция истины в наиболее разработанном виде представлена в «фундаментальной онтологии» М. Хайдеггера, который исходит из того, что «философия есть теоретически понятая интерпретация бытия, его структуры и его возможностей. Она онтологична» [16, с. 14]. Хайдеггер рассматривает истину отнюдь не с точки зрения соотнесенности мысли и объекта, знания и его предмета. Различая бытие и сущее, и на этой основе противопоставляя философию как метафизику и науку фундаментальной онтологии, он преследует цели уяснения истины бытия в системе средств не эпистемологической, а бытийно-онтологической аналитики. Онтологическое различение бытия и сущего, а значит, и философии как науки о бытии и положительных наук как наук о сущем, подводит к выводу, что научное познание «…имеет дело всего лишь с предметной явленностью истины» [16, с. 425], с истиной онтической (сущее), а не онтологической (бытие). Бытие и истины бытия недосягаемы для опредмечивающего мышления научной рациональности. Вместе с тем в силу универсализации ее методов (опредмечивание) знаниям о структурах сущего придается значение истин бытия. Вторгаясь в трансцендентную область онтологии, научное, то есть опредмечивающее, мышление вступает на путь ложных истолкований и тотальных заблуждений, порождаемых неразличимостью онтических и онтологических истин.

Перспектива их размежевания и идентификации связывается с «оптикой» феноменологического метода, позволившего еще Э. Гуссерлю объяснить кризис европейских наук «опредмечивающим овеществлением», натурализацией их концептуальных, терминологических средств и идеальных объектов.

Хайдеггеровская идея истины развертывается в онтологическом горизонте и историко-генетически связывается с досократической интеллектуальной традицией. Речь идет не о ее буквальной реанимации, а о воссоздании утраченных стратегий понимания истины как «непотаенности», «несокрытости» бытия. Понимание рассматривается одновременно и как форма подлинности человеческого существования, и как способ уяснения его истинного смысла, открывающегося в сопряженности с бытием как таковым. Отсюда — вывод о тождественности истины и смысла бытия, а также сосредоточение внимания на проблеме «события», включающей вопросы онтологических условий самой возможности совпадения, соответствия, сопряженности бытия и бытия человека [17, с. 359].

Прорыв к истине как подлинности человеческого существования — это герменевтический процесс, разворачивающийся на более глубинном уровне, чем гипотетико-дедуктивное, рационально-логическое исследование. Процедуры герменевтической осмысленности или, что то же самое, — интуитивной экспликации смысла, реализуются в эмоционально напряженном поле психологических переживаний личности и несовместимы с установками новоевропейского дискурса на антипсихологизм и объективность. Дело в том, что инструментализация нынешней науки превращает ее методологический, концептуальный и терминологический «арсенал» в искусственно организованную систему бессодержательных абстракций и не имеющих ничего общего с действительным положением дел отвлеченных пустых понятий. Логика, приобретшая значение науки о них как основополагающих смыслообразовательных структурах сознания, была ошибочно истолкована постсократической философией в качестве аутентичного учения о мышлении. Тем самым интеллектуальное

сообщество было введено в заблуждение относительно природы мышления и, вследствие этого, в частности, вместо ориентации на многозначность научных понятий (уяснение бытия), возобладала принципиально иная тенденция — абсолютизация познавательной роли предельно однозначных терминов, знаково-символических средств и др. Однако только в силу многозначности концептуальных средств мышление открыто бытию и благодаря этой открытости бытие не может быть замещено сущим, а онтологические истины — онтическими. Отсюда вытекает резко отрицательная, уничтожающе-критическая оценка М. Хайдеггером достижений науки и технического прогресса как не только беспомощных в постижении истины бытия, но и противостоящих ему в качестве внешних, исключительно враждебных разрушительных сил. Истина как подлинность человеческого бытия открывается не рационально-логическому рассуждению, а художественно-поэтическому творчеству как аутентичному способу конституирования, а значит, и понимания сокровенного смысла бытия. На этом пути человек, будучи изначально свободным существом, может стать личностью (то есть обрести идентичность). Он также может «сохранить лицо», может утратить собственное, свойственное только ему лицо, а значит, и подлинность бытия (или его истинность).

XX век и начало текущего столетия характеризуются распространением убеждений о множественности истины и, как следствие этого, — лавинообразным ростом численности отражающих ее концепций. Все они, несмотря на нередко очевидные различия, могут быть сведены к четырем основным и наиболее авторитетным концепциям истины: классической лингвистической, прагматистской и экзистенционально-герменевтической. Общим для неклассических концепций всегда было и остается ограничение поисков условий идентификации истинного знания пространством продуктов духовной деятельности, отрицание фактов существования внеположенных сознанию предметов природы и культуры. Такое понимание сути дела проистекает отнюдь не из объективной оценки действительного положения дел, а обусловлено практиками онтологизации трудностей логико-методологического и эпистемологического характера, создающей видимость абсолютной «непроницаемости» плотной стены абстракций, отделяющих человека от предметов его познания и практики.

ПРИМЕЧАНИЕ

∗ Согласно тезису «семантического холизма» Дюгема — Куайна опытные данные и факты являются продуктом мысленного конструирования, а потому ссылками на них не может быть опровергнут какой-либо фрагмент теоретической системы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Декарт Р.* Разыскание истины. М., 1989. Соч. Т. 1.
2. *Джемс В.* Вселенная с плюралистической точки зрения. М., 1911.
3. *Джемс В.* Прагматизм. СПб., 1914.
4. *Джохадзе И. Д.* Патнэм и Рорти: спор о прагматизме и релятивизме // Эпистемология и философия науки. 2011. Т. XXX. № 4.
5. *Кант И.* Педагогический трактат // Трактаты и письма. М., 1989.
6. *Корольков А. А.* Правда как гармония норм права и нравственности // Философия права. 2013. № 1 (56).
7. *Маркс К, Энгельс Ф.* Соч.: В 50 т. М.: Гос. изд-во полит литературы, 1955–1981. Т. 20.

8. *Медоуз Д. Х., Рандерс И., Медоуз Д. Л.* Пределы роста: 30 лет спустя. М., 2013.
9. *Ницше Ф.* К генеалогии морали. Избр. произведения: В 3 т. М., 1991. Т. 3.
10. *Огурцов А. П.* Истина, правдоподобность и пробабилизм // Личность. Культура. Общество. 2009. Т. XI. Вып. 4.
11. *Платон.* Соч.: В 4 т. М., 1968. Т. 1.
12. *Ратцингер Й.* (Папа Римский Бенедикт XVI). Вера, истина, толерантность. М., 2007.
13. *Романенко И. Б.* Социокультурная идентичность молодежи как философская проблема // Султанов К. В., Романенко И. Б. Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2012. № 1.
14. *Стрельченко В. И.* А. И. Герцен и современная философия науки // Известия РГПУ им. А. И. Герцена: Научный журнал. 2013. № 156.
15. *Фейерабенд П.* Наука в свободном обществе. М., 2011.
16. *Хайдеггер М.* Основные проблемы феноменологии. СПб., 2001.
17. *Хайдеггер М.* Учение Платона об истине // Время и бытие. М., 1993.
18. *Черткова Е. Л.* Скептицизм и релятивизм: от искания истины к ее отрицанию // Релятивизм как болезнь современной философии. М., 2015.
19. *Шиллер Ф.* Наши человеческие истины. М., 2004.
20. *Lighthillz.* The Recently Recognized Failure of Predictability in Newitonican Dinamics // Proceedings of the Royal Society. L., 1987, a. 407.
21. *Putnam H.* Reason, Truth and History. Cambridge, 1981.
22. *Rorty R.* Philosophy and Mirror of Nature. Prinston., 1979.

REFERENCES

1. *Dekart R.* Razyskanie istiny. M., 1989. Soch. T. 1.
2. *Dzhems V.* Vselennaja s pljuralisticheskoj tochki zrenija. M., 1911.
3. *Dzhems V.* Pragmatizm. SPb., 1914.
4. *Dzhohadze I. D.* Patnjem i Rorti: spor o pragmatizme i reljativizme // Jepistemologija i filosofija nauki. 2011. T. XXX. № 4.
5. *Kant I.* Pedagogicheskij traktat // Traktaty i pis'ma. M., 1989.
6. *Korol'kov A. A.* Pravda kak garmonija norm prava i nravstvennosti // Filosofija prava. 2013. № 1 (56).
7. *Marks K., Jengel's F.* Soch. M., 1955–1981. T. 20.
8. *Medouz D. H., Randers I., Medouz D. L.* Predely rosta: 30 let spustja. M., 2013.
9. *Nicshe F.* K genealogii morali. Izbr. Proizvedenija: V 3 t. M., 1991. T. 3.
10. *Ogurtsov A. P.* Istina, pravdopodobnost' i probabilizm // Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo. 2009. T. XI. Vyp. 4.
11. *Platon.* Soch.: V 4 t. M., 1968. T. 1.
12. *Ratcinger J.* (Papa Rimskij Benedikt XVI). Vera, istina, tolerantnost'. M., 2007.
13. *Romanenko I. B.* Sotsiokul'turnaja identichnost' molodezhi kak filosofskaja problema // Sultanov K. V., Romanenko I. B. Obshchestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana). 2012. № 1.
14. *Strel'chenko V. I.* A. I. Gertsen i sovremennaja filosofija nauki // Izvestija RGPU im. A. I. Gertsena. 2013. № 156.
15. *Fejerabend P.* Nauka v svobodnom obwestve. M., 2011.
16. *Hajdegger M.* Osnovnye problemy fenomenologii. SPb., 2001.
17. *Hajdegger M.* Uchenie Platona ob istine // Vremja i bytie. M., 1993.
18. *Chertkova E. L.* Skeptitsizm i reljativizm: ot iskanija istiny k ee otricaniju // Reljativizm kak bolezn' sovremennoj filosofii. M., 2015.
19. *Shiller F.* Nashi chelovecheskie istiny. M., 2004.
20. *Lighthillz.* The Recently Recognized Failure of Predictability in Newitonican Dinamics // Proceedings of the Royal Society. L., 1987, a. 407.
21. *Putnam H.* Reason, Truth and History. Cambridge, 1981.
22. *Rorty R.* Philosophy and Mirror of Nature. Prinston., 1979.